

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФЕНОМЕН РУССКОЙ КЛАССИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2004

Е.А. Макарова

СПЕЦИФИКА “ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА” Н.С. ЛЕСКОВА И В.Г. КОРОЛЕНКО

Имена Лескова и Короленко в литературоведении рядом по-настоящему еще не ставились. При всей очевидности некоторых внешних соответствий, выраженных в общем времени их творчества, типологии сюжетов и героев, интереса к инонациональному, не выявлен общий ген их мировоззренческих систем, то, что предельно сближало такие разные на первый взгляд художественные миры.

Центральной идеей в творческих установках Н.С. Лескова определенно является идея самосознания, отражающая, по сути, его “философию жизни”. Всегдашний противник любого “направленства”, он в своих критических работах, письмах, творчестве постоянно проводил мысль о невозможности полноты познания. Но тем не менее всегда оставалась и абсолютная убежденность в необходимости самосознания как пути и состояния творческой личности.

Сократовское “познай самого себя” предельно близко писателю. Он вспоминает его имя всякий раз, когда говорит о высших авторитетах нравственности и мудрости, какими бы разными они ни были. Не случайно имя Сократа часто упоминается им в одном ряду с Л.Н. Толстым. Особенно ярко эти идеи выявляются в критике Лескова, центральным топосом которой, по выражению О.В. Евдокимовой, является “литературный мир”¹.

Действительно, он густо населен именами классиков русской литературы: Достоевского, Тургенева, Толстого, Гончарова, Писемского, Островского. Но жажда “идеальной критики”, в которой, прежде всего, предполагается понимание другого, и которой так не хватало самому Лескову, выводила писателя к обнаружению новых молодых талантов, во многом продолживших его путь и открытия в литературе.

В письме к А.К. Чертковой от 2 марта 1894 г. он пишет: “Мне очень понравилась фантазия Короленки “Тени”, присоединенная в конце к книжечке о Сократе. Я тоже так думаю, что определенного познания о Боге мы получить не можем при здешних условиях жиз-

¹ *Евдокимова О.В.* Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова. СПб., 2001. С. 32.

ни, да и вдалеке еще не скоро откроется, и на это нечего досадовать, так как в этом, конечно, есть воля Бога”¹.

В идеях молодого автора Лесков уловил близость к сократическим раздумьям о человеке и Боге. Он очень точно определяет пафос “Теней” в поэтическом возвеличении героической личности чудака-философа Сократа, который в самых трагических обстоятельствах не идет на поводу у толпы, а продолжает будить совесть, призывать к поиску правды и истины.

Лесков на протяжении своего творческого пути также ведет поиск героических личностей, которые настойчиво ищут “во тьме источники света”. Не случайно его привлекает и другое произведение Короленко – “Сказание о Фроле, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды”, имеющее источником древнерусский Пролог. Сам он в это время создает цикл “Византийских легенд” на основе проложных сказаний, и Пролог, по его словам, “славится не только затейливой пестротой”, а и тем, что “там есть противленье, а есть и непротивленье”. В рассуждениях Короленко Лесков улавливает полемику с Толстым, которую он тоже ведет в эти годы после бурного периода увлечения его идеями.

На этих основаниях формируется и типология героев у писателей, которые несут общую христианско-демократическую идею спасения-возрождения, любви и сострадания. И это не столько герои, сколько подвижники, не отдельные неповторимые личности, а герои молвы, герои массы, которые в экстремальных условиях вдруг ощущают свою личность.

Мир Лескова – это очарованные странники, праведники, старове-ры, еретики, плутающие в бездорожье и совершающие роковые ошибки в поисках “правильной веры”. Герои Короленко – подлиповцы, якуты, вотяки, волжские крестьяне, павловские кустари, уральские казаки и задунайские поселенцы – также безмерно многочисленны и часто встречаются на дорогах и перепутьях русской жизни.

И странники Лескова удивительным образом отзываются в бродягах Короленко, так как бродяжничество их не столько топографического, сколько духовного свойства. Не успокоенные налаженной жизнью, они ищут те места, где светят “огоньки, где “река играет” и “лес шумит”, где в “пустынных местах” на дне озера Светлояр покоится град Китеж, а Сибирь воспринимается как вариант далекого Беловодья, “утраченного рая”.

Они не приняты официальной Россией, вытолкнуты ею, им не находится там места, как в свое время оно не нашлось уникальному,

¹ Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т.11. С. 577.

не вписывающемуся ни в какие привычные рамки таланту Лескова – и такое же государственное отношение обрекло молодого Короленко на долгие годы ссылки и скитаний.

При такой постановке проблемы неизбежно возникает вопрос о природе мировоззрения писателей, которая на первый взгляд проявляется больше на уровне различий, нежели сходства.

У Лескова очевидна корневая прикрепленность к православной традиции, которая, после разлада с церковностью, выливается в так называемое “народное христианство”. Короленко же, человек рубежа эпох, несмотря на то, что в детстве получил настоящее религиозное воспитание, будет уже целиком захвачен общим кризисом христианского мировоззрения. Но, несмотря на явные атеистические декларации, особенно в пору увлечения марксизмом, у него определенно сохраняется своеобразный “след” православного сознания.

Традиционная после Достоевского религиозно-этическая проблематика сводится у писателя к вере национально-исторической, так называемой “вере отцов”, культурной и психологической. Свой же религиозный поиск писатель связывает с постижением “океана мирового сознания”. Он всегда говорил, что признает начала веры, но не признает догматизма.

В советском литературоведении долгие годы шла настойчивая перекарска Короленко в последовательного “революционного демократа”. Но чужеродность этой идеологии для него очевидна: истинное отношение к ней проявится в его поздних письмах к А.В. Луначарскому. Душа художника всегда искала веры, способной освятить жизнь и придать ей высший смысл. И это типичный путь человека рубежа эпох: от атеизма и увлеченности марксизмом к новому пониманию христианства, как это выразилось, к примеру, в эволюции воззрений Н. Бердяева или С. Булгакова.

Сократ у Короленко не создает новой веры, а только разрушает старую, но тем самым он подготавливает место для грядущей новой веры. К концу жизни писатель и себя назвал таким же разрушителем: “И я только мусорщик, чувствующий, что когда-нибудь на расчищенном месте будет воздвигнут величественный храм неведомому мне Богу”¹.

В итоге он верит в грядущий синтез знаний и веры, потому атеистические декларации Короленко свидетельствуют не об отсутствии веры как таковой, а о поиске приемлемого религиозного мировоззрения, отвечающего духу эпохи. В конце 90-х гг. он так сформулирует

¹ Цит. по кн.: *Богданович Б.А.* Биография В.Г. Короленко (1853–1917). Вып. 1. Харьков, 1922. С. 87.

свой символ веры: “Я пришел даже, после разных колебаний и рефлексий, к заключению, что жизнь в самых темных своих проявлениях, в своих ничтожных представлениях, есть дело глубоко осмысленное и святое”¹.

Мировоззренческая позиция Лескова при, казалось бы, более чем обстоятельном ее исследовании в современном лесковедении, требует некоторых уточнений.

На фоне традиционных канонически православных установок Достоевского, с одной стороны, и явной антицерковной позиции Толстого – с другой, его религиозный идеал представляется наиболее гармоничным, приближенным, как мы уже сказали, к “народному христианству” с центральной идеей веротерпимости.

Тем интереснее представляется концепция М.М. Дунаева, которому видится доминантой мирозерцания Лескова *эвдемонический идеал*². Это этическое направление, связанное изначально с античным принципом жизнепонимания, позднее выльется в принцип истолкования и обоснования морали, согласно которой счастье является высшей целью человеческой жизни.

Соответственно с этим формируется и идея праведничества у Лескова, так как она в основном сопрягается с гуманистическим мирозерцанием. Писатель больше всего боится об устройении земного бытия, потому религиозность его не столько духовного, сколько душевного свойства.

Понятно, что М.М. Дунаеву, с его явных богословских позиций, подобный путь представляется еретическим, потому, на его взгляд, большинству праведников Лескова ближе общечеловеческие, нежели христианско-догматические идеалы. Собственно, с этим и был связан вечный спор писателя с официальной церковью, потому он искал спасения вне ее ограды, ибо в ней застой, отсутствие “движения воды”. Многие же свои письма он так и подписывал – “Ваш смиренный Николай-ересиарх”.

Замечательный образ “Бога за пазушкой”, созданный его отцом Кириаком в рассказе “На краю света”, несомненно, акцентирует именно этот приоритет душевного над духовным, и здесь особенно ощутимо преимущественное внимание к нравственной стороне христианства.

Тем не менее, отправляя своих героев по различным дорогам, далеким от сакральных пространств, будь то “онемеченный” Петербург,

¹ *Короленко В.Г.* Полное посмертное собрание сочинений. СПб., 1914. Т. 15. С. 165.

² *Дунаев М.М.* Н.С. Лесков // Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. М., 2002. С. 537–582.

татарские степи или полуязыческая Сибирь, Лесков как раз и направляет их к глубинному постижению веры, той “правильной веры”, которая оправдывает его внимание к неформальным, религиозным движениям, находящимся в пограничных состояниях между церковью и миром.

Как мы уже сказали, истоки эвдемонизма берут начало в античной философии, причем именно в сократовской идее внутренней свободы, достигаемой благодаря самосознанию личности и ее независимости от внешнего мира. Идея разумности, тождественной подлинной добродетели, адекватно отзывается в центральном мировоззренческом тезисе Лескова, который, по его словам, “всю жизнь пытался примирить веру с рассудком”. В период кризиса мировоззрения, период блужданий и сомнений он запишет: “Бог есть, но не такой, которого выдумала корысть и глупость. В эдакого Бога если верить, то, конечно, лучше совсем не верить. Но Бог Сократа, Диогена, Христа и Павла – “Он с нами и в нас”, и он близок и понятен, как автор актеру”¹.

Таким образом, совершенствование человека писатель мыслит вне официальной, казенной церкви, Ему близок принцип Сократа: “Познай самого себя”. Эта попытка восприятия веры с точки зрения ее разумности и нравственно-этической значимости, а также явное проявление антропоцентризма и антропомерности в концепции праведничества у Лескова во многом столкнется с нравственно-философскими поисками русской литературы конца XIX в., одним из ярких и типичных представителей которой станет В.Г. Короленко. Это потребует и новых открытий в области поэтики.

Не случайно временным пересечением творчества позднего Лескова и раннего Короленко станет эпоха 1880-х гг. Она начнется с потрясающих политических и культурных событий – убийства Александра II, Пушкинского праздника, речи Достоевского и закончится же к середине 1890-х гг., отмеченной возникновением символизма и этапным исследованием Д.С. Мережковского “О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы”.

Общее в интонации этого времени – ощущение завершенности литературной эпохи классического реализма, исчерпанности прежних художественных форм и поиск новых средств художественной выразительности. К этому времени происходит закономерное вытеснение прежних понятий – “действительность”, “среда”, “общество”, “тип” – понятием “художественный мир”². Это связано со все большим сближением литературы с философией, культурологией, ориентированной

¹ Лесков Н.С. Указ соч. С. 598.

² См. об этом: Кондаков Б.В. Русский литературный процесс 1880-х годов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1997.

на постижение сущности духовных процессов. Не случайно в это время пишутся первые литературно-философские работы В. Соловьева, К. Леонтьева, В. Розанова и др.

Мережковский предельно точно выявляет общую тенденцию, характерную для литературы этой поры, – “предчувствие божественного идеализма, возмущение против бездушного, позитивного метода, неутомимую потребность нового религиозного или философского примирения с непознаваемым”¹. Отмечая же, что истинная религиозность на данном этапе сохранилась только в народе, он видит возврат к религии в необходимом преодолении пропасти между интеллигенцией и народом. Думается, что творчество молодого Короленко привлекло критика в первую очередь сочетанием этих качеств, а его рассказ “Сон Макара” он назовет “настоящим религиозным откровением”.

Оценка Мережковским таланта Короленко крайне важна, так как его, подобно Лескову, не раз определяли в современной им критике как писателей с явными “этнографическими установками”. Но за всеми предметными описаниями, бытовыми деталями, конкретной географической и национальной прикреплённостью событий интерес их сосредоточен, по выражению Короленко, не на том, “как люди живут, а на том, как им живётся”.

Мережковский прежде всего и акцентирует эти мировоззренческие, художественные достоинства писателя: “Сон Макара”, – пишет он, – стоит совершенно одиноко в молодой народнической литературе. Как лучшие рассказы В.М. Гаршина, – это лирическая поэма в прозе. Когда вы давно ее не перечитывали, в душе остается неизгладимое воспоминание о ней как о торжественной и грозной мелодии, подобной шуму лесов над сибирской тундрой. Вот – чистейшая религиозная легенда, детская, наивная и глубокая, как лучшие легенды прошлых веков. Один из “малых сих”, даже не русский мужик, а якут – глупый, грязный, уродливый, – в загробном мире, на Страшном суде перед Отцом Светов, перед неизреченной Справедливостью и Разумом Вселенной.

Вы предчувствуете, что единое слово, единый взор Судии сразу уничтожит, раздавит, возвратит к небытию это жалкое существо. И вдруг, в последнюю минуту, из какой-то страшной, неведомой глубины человеческого духа подымается не моляба, а крик свободы, безумная жажда не справедливости, а любви”².

¹ Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной литературы // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1912. Т. 15. С.289.

² Там же. С. 273–274.

Этот рассказ, созданный писателем зимой 1883 г. в период Амгинской ссылки, удивительным образом смыкается и по жанру святочного рассказа, и по сюжету, и по типу героев с рассказом Лескова “На краю света”, написанным чуть ранее, в 1875 г. Местом развития событий в них становится Сибирь. Сама же экзистенциальная заряженность сибирского пространства, которая дала возможность Лескову выстроить в своем произведении ход событий по принципу последовательного упрощения христианской догматики, определяет и глубинную суть произведения Короленко.

Здесь уже можно говорить о несомненной традиции Лескова, так же, впрочем, как и о механизме интертекста, который “срабатывает” у каждого большого художника не в прямом факте заимствования, а на уровне писательской интуиции. По Ролану Барту, “каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах как тексты предшествующей и окружающей культуры. Таким образом, каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат”¹.

Характерной в рассказах становится трехуровневая соотношенность героев. У Лескова архиепископ в “На краю света” выполняет не только функцию миссионера, но ему дано право проговаривать конечную истину. Писатель же показывает здесь и явный разрыв между православным вероучением и конкретной повседневной практикой церкви. По мнению Лескова, подобные крещения отвращают полудикарей от Бога, поскольку священник по отношению к крещеным берет на себя роль и обязанности “хозяина”.

Но Лесков не столько обличает церковную жизнь, сколько пытается объективно показать разнообразие русского духовенства. Потому так важен для него образ отца Кириака. Он, с его философией народного “Бога за пазушкой”, по сути, отражает авторский идеал. Причем это не просто тот привычный праведник Лескова, который своим каждодневным скромным подвижничеством воплощает для писателя русский вариант “проживания” христианской идеи.

Отец Кириак демонстрирует ее глубинное, личностное понимание, неразрывную связь с традицией и широчайшую богословскую эрудицию. В его речи Лесков включает молитву Кирилла Туровского, которую сам он в это время издает отдельной брошюрой. В богословских диалогах архиерея с отцом Кириаком проявляются имена тех, кто в разных странах и в разные времена проповедовал Евангелие,

¹ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 418.

учил и крестил народы. И писатель привлекает их опыт для разъяснения данной ситуации в Сибири, сопоставляя ее с мировыми образцами.

По наблюдению Е.В. Яхненко, здесь звучат идеи Гурия, крестителя татар, и святого Владимира, и святого Кирилла Иерусалимского, и притчи Пролога, Тертуллиана, идеи Апокалипсиса, деяния апостолов, Ветхого и Нового Заветов. Также в рассказе отражены сюжеты из “Жития Стефана Пермского” и его опыта крещения зырян¹. Отец Кириак, по сути, является великим книжником. В его спор с архиереем врывается и современность, к примеру, в виде Приказов о расширении лам.

Третий уровень героя связан с образом дикаря-тунгуса. Не случайно первая рукописная редакция рассказа носила название “Темняк”. “Своя” культура у Лескова, как правило, обретает специфику на фоне “чужой” в борьбе и общении с ней. В отталкивании от “инонационального”, в осмыслении “инонациональности” обретали свое содержание, оформлялись и оттачивались представления писателя о том, что значит быть русским. Для этого он вводит в текст множество точек зрения, принадлежащих персонажам, рассказчику, повествователю и, наконец, самому автору, отменяющих какие бы то ни было крайности и однозначность в оценке этического образа.

Литература русского романтизма, которая впервые продемонстрировала интерес к инонациональному, выстраивала взаимоотношения человека цивилизации и “природного” человека на явной оппозиции.

В литературе второй половины XIX в. нерусские герои для авторов часто представляют самостоятельный познавательный интерес, так как сама общая картина жизни начинает терять “русскоцентричность”. Расширение границ охвата русских миров приводит к введению новых национальностей в русскую культуру и литературу, помимо привычных для романтизма горцев, евреев и цыган. У Гончарова это малайцы, китайцы и японцы, у Лескова – зыряне-тунгусы, у Короленко – якуты и сибирские татары, у Чехова – айно. Все больше утверждается аналитический поход литературы к нерусскому, ориентированный на непредвзятый интерес к “чужому” менталитету, желание его понять, осмыслить во всей непохожести.

Показательно, что дикарь у Лескова в итоге и станет истинным выразителем его концепции праведничества. Задавая изначально ситуацию непонимания и отчужденности героев разных уровней сознания и культур, он покажет, как в онтологической ситуации между архиереем и дикарем возникнет тот необходимый момент прорыва-прорыва, который приведет к разрушению привычных стереотипов.

¹ Яхненко Е.В. Жанровые традиции древнерусской литературы в творчестве Н.С. Лескова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. С. 19.

В “Сне Макара” у Короленко проявляется та же логика. Многоуровневая выстроенность героев, представляющая своеобразную триаду в лице Макара, русского попика Ивана и якутского божества, большого Тойона, направлена на тот же поиск единого кода общения в вопросе об истине.

Концепт пути у Лескова и Короленко представлен как неизбежное следование от плотского, земного, грешного к духовному, возвышенному, небесному. Он выводится через сопоставление элементов двух планов: бытового, реального и мистического, виртуального.

Лескову присуще осмысление пространства в конфессиональных категориях. Мотив движения, дороги неотделим у него от религиозных исканий. Выталкивая своих героев из дома в разомкнутое пространство, будь то степь, лес, дорога или “снежная пустыня”, он постепенно формирует образ безграничных неосвоенных земель в противоположность мотиву всероссийской “тесноты и скученности”.

Тем важнее помнить, что действие рассказа Лескова происходит в Сибири, что для главного героя связано с выходом в принципиально новое пространство, бесконечность и незаполненность которого лишают человека всех возможностей ориентации, и он оказывается абсолютно несоизмерим с пространством, а поэтому находится в вечной отчужденности от него. На это указывает В.Н. Топоров: “При переходе к новому пространству человек оказывается лишенным прежней неосознаваемой опоры в виде старого пространства с его свойствами, и его охватывает тот шопенгауэровски-ницшеанский ужас, который неотъемлемо от человека, вдруг усомнившегося в формах познания явлений”¹.

Спасителем архиерея в рассказе Лескова станет абориген-дикарь. Отсюда происходит своеобразное “колебание” образа Сибири. То она у писателя прорисовывается как пространство русское, то как инонациональное. Но в любом случае для него это часть русского мира, объединенного общим пониманием Христа.

Подобно Лескову, в мировосприятии Короленко формируется образ безграничных неосвоенных земель. Но Сибирь для него уже не просто образ, сформированный в художественном сознании, а земля выстрадавшая и реально познаваемая за долгие годы тюрем и ссылки.

Называя Сибирь “настоящим складочным местом российской драмы”, писатель существенно продвигается в ее осознании, по сравнению с предшественниками. Она для него становится не столько лич-

¹ Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: Семантика и структура. М., 1983. С. 250.

ной драмой, сколько драмой целого народа. Он воспринимает Сибирь уже как целостную реальность, как некое закономерное бытие, пытаюсь найти свою, наиболее адекватную художественную формулу для ее выражения.

Накапливая наблюдения (которые остаются в виде помет в записных книжках, осмысливаются в дневниках, передаются в письмах, очерках и рассказах). Короленко движется ко все более объемному и глубинному ее постижению. Все более реальным в его художественно-мировоззренческой системе становится соотношение пространства и текста, а это происходит тогда, когда “текст уже соотносится с мифопоэтическим пространством, в котором основными являются не метрически-количественные, а топологически-качественные признаки”¹.

Сибирь Лескова в итоге из “страны-ада” стала тем “краем света”, где герои нашли спасение, где ее привычная горизонталь достигла определенной оси, сакрально-значимого центра, которые перешли в свою вертикаль. В итоге писателю удалось создать объемную, стереоскопическую картину мира, а само описание Сибири переросло в понятие “образ”.

Этот космизм еще более ошутим у Короленко. Его “бедный Макар”, представляющий поначалу темное и забытое создание, переходя через границу смерти к “новой” жизни, отмечается обретением и “нового” пространства, выступающего как абсолютная световая энергия. Поистине космический пейзаж, привидевшийся ему во сне, где он совершает свое путешествие к большому Тойону со старым попиком Иваном, не только размыкает границы леса к бескрайней снежной равнине, но и пронизывает всю эту картину потрясающими цветовыми и световыми эффектами, красоту которой воспринимает уже сам герой: “Они как будто поднимались все выше. Звезды становились все больше и ярче. Потом из-за гребня возвышенности, на которую они поднялись, показался краешек давно закатившейся луны. Она как будто торопилась уйти, но Макар с попиком ее нагоняли. Это происходило, конечно, оттого, что они были гораздо ближе к звездам. Звезды, величиною каждая с яблоко, так и сверкали, а луна, точно дно большой золотой бочки, сияла, как солнце, освещая равнину от края и до края”².

Особая роль категории цвета, в связи с темой пространства, выявляется уже в силу того, что цвет неотъемлем от него. Для зрительно-цветовых знаков пространственное измерение важнее, чем временное. Этим и определяется универсальное значение цвета в природе и

¹ Топоров В.Н. Пространство и текст. С. 279.

² Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1953. Т. 1. С. 116–117.

в человеческой жизни. Закономерно, что такое обостренное зрение и видение всей природно-цветовой и световой гаммы даны героям Лескова и Короленко при вхождении в онтологическую ситуацию. А это связано с тремя последовательными событиями: сном героя, переживаемым состоянием транса (что порождает определенные миражи-видения) и одиночеством человека наедине с природой. В итоге все это реализуется в специфических субъективных и хронотопических условиях.

Световая энергия, несомненно, соотносима с категорией божественного, так называемого “фаворского света”. Но живописный ряд представлен у писателей несколько иначе. Если у Лескова он больше соотносен с законами иконописного письма, то Короленко уже “работает” в эстетике импрессионизма, так как особое значение придает первому впечатлению от предметов, переживаниям, оттенкам и неожиданным ракурсам.

В конце XIX – начале XX в. на первый план в художественной культуре выходит цвет, который, по мнению психологов, наделен большей выразительностью и смысловой емкостью, чем линия или слово. Цвет в художественном произведении имеет теперь не только подчиненное, но и самостоятельное значение, является компонентом художественной структуры. Это, в свою очередь, позволяет говорить о цветообразе как об отдельной структурной единице литературного текста. Андрей Белый, перечитывая Короленко, указал именно на эту его особенность – “цветной слух”, который оказался “утонченной абстрактных вещаний о нем символистов и научных трактовок”. Белый увидел в писателе последователя Гете, так как в его творчестве “научная точность образа пересекается с воплощением в тенденцию, а сама тенденция у него – живо действующий образ”¹.

В своем рассказе Короленко отдает ведущую партию косноязычному и безграмотному чалганскому крестьянину, и это существенный шаг в изображении героя, по сравнению с дикарем Лескова. Помимо того, что Макар, подобно мифологическому герою, вернется из царства смерти, он пройдет свой путь и будет наделен тем даром слова, который перевесит на весах грехов и добродетелей золотую чашу большого Тойона.

Путь вверх и вниз описывается, как правило, тем подробнее, чем дифференцированнее структура верхнего и нижнего миров и чем богаче мифологическим содержанием разные зоны этих миров. В основе рассказа Короленко заложен типично “визионерский” сюжет, где

¹ “Последняя осень А. Белого”: Дневник 1933 г. // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 185.

показан трансперсональный опыт воссоединения “я” человека с миром. Здесь можно найти аналог и шаманскому ритуалу “путешествия”, который представляет собой тот же привычный путь героя по вертикали, но, в отличие от христианской пространственной модели, с более многослойной системой миров.

В якутской мифологии существует цикл космогонических мифов, где Вселенная состоит из трех миров: нижнего, населенного покойниками, демонами и злыми божествами; среднего, связанного с людьми, и верхнего, где царствуют птицы, ангелы, высшие божества, включая главного Бога.

Православие распространилось в Якутии с конца XVIII в., но христианский культ здесь всегда сочетался с верой в добрых и злых духов. Шаман – это посредник между миром людей и миром духов. И только ему дана способность совершить вертикальный путь вверх или вниз, т. е. пройти всю Вселенную по вертикали. Такое путешествие в мир духов становится кульминационным обрядом, называемым “камлание”, где происходит своеобразный процесс “пересотворения”. Нахождение же в определенном экстатическом состоянии, будь то мистический транс или сновидение, приводит к своеобразному “вбиранию” в себя пространства, которое, по выражению В.Н. Топорова, “пресуществляется в экстатическом сгущении энергии субъектом”.

По этому принципу выстраивает путь героя и Короленко. Вместе со смертью Макара в темном холодном лесу уходят все цвета и звуки мира. Но из этого мира ледяного молчания автор ведет его в мир, насыщенный волнениями, чувствами и мыслями. И это путь к небесной судебной инстанции. То, что снится Макару, – это отражение услышанных им когда-то проповедей, трансформация фактов и явлений из жизненного опыта и опыта его предков.

Здесь слышны и отголоски буддизма, особенно в его поздней форме – ламаизме. В нем философия буддизма переплетается с верой в таинственную магию, а шаманы предстают как своего рода мистики-пророки. Не случайно в подобном мироощущении огромное место уделено культу предков. Ведь человек вступает с ними в контакт через сферы космические, а все жизненно важное дают ему земля, солнце и луна¹.

Интерес к непознаваемому, мистическому, бессознательному развился у Короленко под влиянием Тургенева, чье творчество подготовило переход русской литературы к художественному импрессионизму. С другой стороны, в записных книжках писателя периода Амгин-

¹ См. об этом: Кулемзин В.М. Традиционные верования народов Сибири // Локальные и синкретические культы. М., 1991. С. 98–122.

ской ссылки, письмах, литературных набросках сохранилось много материала, демонстрирующего его постоянный интерес к фольклору и неофициальным народным верованиям.

На этом пересечении традиции формируется его особого рода пантеизм. Мотивы сна, путешествия, видения проявляются у писателя через призму своеобразного “лунатизма”. А “иллюзия мира”, возникающая вследствие этих видений, напрямую связана с миром природы, которая подает свои знаки, но так до конца и остается высшей загадкой, тайной для человека.

Особенно остро это проявляется в экстремальных, пограничных ситуациях в жизни человека. Вот что запишет в дневнике от 17 сентября 1888 г. Короленко, переживая смерть близкого человека: “Мы гордо отбросили все предания, всю веру, все утешения, которые предлагает нам темный эмпирический опыт миллионов поколений, и встали дерзко навстречу роковым вопросам одни или почти одни со своими собственными, на свой страх, выработанными взглядами на жизнь, смерть, вечность. В этом есть доля величия. Но как часто мы оказываемся детски слабы и падаем под бременем отчаяния от темноты, которая грозно глядит на нас *“оттуда”* (на полях помета – “Тургенев. Полонский”. – Е.М.), между тем, как простая, неразвитая и смиренная “первичная” личность простого человека, не потерявшая связи, а стало быть опоры в рядах миллионов таких же личностей, – встречает те же обстоятельства с величайшим спокойствием и поражающей нас твердостью”¹.

Для творческой манеры Короленко свойствен прием “оживления” и “ожидания” природы. Привычная же вертикаль в диалоге человека и Бога разворачивается у него в горизонталь, так как природа и человек существуют в его художественном сознании в постоянной взаимосвязи, где ощущается не только нужда человека в природе, но и природы в нем.

И здесь уже можно говорить о явных истоках философии космизма в миросозерцательной системе Короленко. Особенность рефлектирующего сознания его героев заключается в априорном предположении органичного единства всего во всем, а главное – во Вселенной, с очевидным преобладанием вселенского над индивидуальным. Писатель верит в грядущий синтез знаний и веры и находится в постоянном поиске приемлемого религиозного мировоззрения, отвечающего духу эпохи. И он настаивает на возможности построения такого мировоззрения, иногда обозначая его словом “наука”, но с явной метафизической акцентировкой.

¹ Федоров Б. Из ранних дневников В.Г. Короленко. М., 1925. С. 11.

Среди всех многообразных философских течений и направлений рубежа веков он наиболее близок, на наш взгляд, к открытиям Н. Федорова, отразившего свою философию космизма в главном труде, написанном к концу его жизни в 1903 г., “Философия общего дела”. Знаменитая идея регуляции природы замышлялась философом как принципиально новая ступень эволюции человечества, его выхода на сознательный этап развития мира и всего космоса преобразовательным действием. Он употребляет уже не столько слово “наука”, сколько “знание”, включающее в себя все формы познания и опыта, в том числе и те, которые сейчас кажутся ненаучными, “мистическими”.

Таким образом, понятие “художественный мир” помогло нам выявить не только специфику мировоззрения Лескова и Короленко, но и обнаружить явные точки пересечения в их творчестве. Художественное произведение представляет явление действительности. Художественный мир – это уже явление духовной реальности. Он более многоуровневый, но и более идеальный, так как может существовать только в сознании писателя или читателя. И при всех внешних различиях творческой манеры Лескова и Короленко явно проявляется то глубинное сходство, тот общий ген в их мирозерцательной системе, который позволяет поставить рядом их имена.